

Давид Павельев

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Через 48 часов

и другие рассказы

Давид Павелъев

Через 48 часов

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Павельев Д.

Через 48 часов / Д. Павельев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Чем так опасны модные оранжевые галстуки? Что будет, если нажать таинственную красную кнопку, и что же все-таки произойдет через 48 часов? Рассказы сборника различны по жанрам и направлениям: от гротескной антиутопии до философской притчи и от политической сатиры до сюрреализма. Но их объединяет внимание к бедам маленького человека в жестоком мире «борьбы всех против всех», проблемам мира и войны, власти и свободы, бунта и смирения. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Невероятная история про оранжевый галстук	5
Через 48 часов	9
Гонка	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Невероятная история про оранжевый галстук

Всё началось с того, что в наш город неизвестно откуда завезли партию оранжевых галстуков. Поначалу, конечно, никто не хотел их покупать. Они были такого ядовитого цвета, что даже мельком посмотреть на них без слёз не получалось, тем более пристально рассматривать. В общем, в здравом рассудке такой галстук никто бы не надел. Но первой клюнула, как водится, молодёжь. Им казалось, что это очень дерзко, надеть такой галстук. Пусть у них тоже от его расцветки нет-нет, да глаза и слезились, но всё-таки они доказывали всем, какие они непокорные, лишённые предрассудков, непосредственные, смелые, как они отличаются от толпы «отжившего свой век старичья», и им чихать, что их папаши думают про оранжевые галстуки. Те, разумеется, стали им запрещать носить оранжевые галстуки, тем самым ещё более раздражая молодняк. Вскоре стало уже так: если в классе есть чудак, который не носит оранжевого галстука, то ему ни один товарищ списать не даст. Парни и руки не подадут, и ни одна девушка с ним гулять не пойдёт. Так что у такого чудака есть выбор – либо покупай себе галстук, либо сиди в сторонке и играй в крестики-нолики сам с собой.

А потом произошло событие, которое навсегда изменило отношение горожан к галстукам. Живёт у нас в городе один модный дизайнер по имени Артемон Карлович Бантов-Лентовский. Говорят, что он нос по ветру держит, от жизни не отстаёт, и всё точно знает, в чём там в Париже да в Милане нынче дефилируют. Так вот однажды заявляется он на показ дизайнерского белья... в оранжевом галстуке! Все как его увидели, так забыли разом про всех моделей и манекенщиц, и даже про их бельё. Смотрят все на Артемона Карловича, рты раскрыв, а он такой стоит, загадочный, будто бы знает что-то такое, чего никто кроме него не знает. Один человек нашёлся, спросил: чего, мол, так разрядился, Артемон Карлович? А он отвечает: темнота, мол, да это же последний писк! Тут все присутствующие запищали, завизжали, и побежали галстуки скупать. Брали даже оптом, про запас.

Галстуков тем не менее в магазинах меньше не становилось. Будто бы так было – один галстук купили, а на его место ещё десять завезли. А тут вдруг галстуки резко подскочили в цене. Теперь обычные рабочие, служащие, клерки и так далее уже не могли позволить себе такую вещь, потому как стоила она как несколько их зарплат. И тогда то в магазины и потянулись солидные люди. Раньше они постыдились бы с таким аксессуаром на переговоры или деловые встречи прийти, а теперь нет. Если у солидного человека вид был чуть менее солидный по сравнению с другими солидными людьми, то он мог компенсировать недостаток солидности за счёт солидного оранжевого галстука.

И вот через какое-то время все, кто носят оранжевый галстук, стали в городе элитой. Открыли клубы «вход только в оранжевых галстуках», где решали все важные деловые вопросы. На улице им все дорогу уступали, почтительно расходились. Как же! Настоящий оранжевый галстук. Живут же люди!

Те, кто попроще, стали мечтать тоже купить себе оранжевый галстук и тоже стать элитой. Работали на нескольких работах, загонялись, как белки в колесе. Один банкир даже совершил ради цели своей жизни подлог, но его не наказали, потому что узнали об этом тогда, когда он уже купил себе галстук. Вот если бы его догнали и схватили на пороге магазина, тогда бы ему не отвертеться, по полной бы впаяли. Но когда он был уже в галстуке его уже не могли арестовывать. Ведь как можно такое допустить – человек в галстуке, и вдруг преступник! Абсурд! Вздор! Как вы могли подумать такое про солидного-то человека!

А потом случилось нечто невообразимое – цены на оранжевые галстуки вдруг резко обвалились. Теперь каждый мог себе купить галстук, потому что стоил он не дороже, чем какой-нибудь дешёвый телефон. Никто не знает, каким образом это случилось, ведь городская элита,

или как их теперь называли, оранжевогалстучники, были всячески против того, чтобы атрибуты их превосходства могли носить плебеи. В чём тогда заключается их элитарность? И зачем так жить – когда все в одинаковых, пусть и в ядовито-оранжевых галстуках ходят? Но сколько они не старались, сколько не пускали в ход всё своё влияние, все свои возможности, которые предоставляли им оранжевые галстуки, а обвала цен избежать или отсрочить не удалось.

Когда дорвавшаяся наконец до галстуков своей мечты «чернь» приступом брала магазины, многие из старых оранжевогалстучников спешно покидали город, жизнь в котором представлялась им отныне сущим адом.

В тот же вечер в оранжевых галстуках по городу не щеголяли только те люди, которые были принципиальными противниками данного аксессуара. Надо сказать, таких было достаточно много, и они становились на этот путь по разным причинам. Были люди, которые хранили верность галстукам других, более умеренных и классических расцветок. Были эстеты, продолжавшие настаивать на том, что ядовито-оранжевый цвет противоречит всем идеалам красоты и является уродством. Ещё находились те, кто утверждал, что оранжевое вредно для здоровья или травмирует психику человека. Иные были просто оригиналы и не хотели следовать за толпой. А большинству было просто неохота тратить деньги или лень идти в магазин за галстуком. Там очереди, зато дома перед телевизором очереди нет.

Тех людей, кто купил галстуки по низкой цене, факт такого пренебрежения общественными порывами очень сильно возмутил. Тысячи людей в оранжевых галстуках, теперь уже зачастую скособоченных и плохо завязанных, собрались на площади перед главным торговым центром. Многие из них размахивали своими галстуками как флагами, и все озлобленно скандировали: «Элитой себя возомнили, лицемеры! В патриции метите, подлецы несчастные! Презираете нас? Мы сами вас презираем! Пре-зи-ра-ем! Пре-зи-ра-ем!»

На трибуну поднялся Артемон Карлович Бантов-Лентовский и обратился к народу с прочувственной речью. Те, мол, кто отказывается признать, что оранжевый галстук – есть величайшее благо цивилизации, есть атрибут нового человека, те варвары и дикари, недостойные ходить на двух ногах и считать себя представителями рода человеческого. В доказательство своих слов он призвал в свидетели самого Дарвина и его теорию эволюции. Раньше, мол, людей не было, а были только обезьяны. Одни обезьяны решили носить набедренную повязку, и потому превратились в высоко организованное и социальное существо *homo sapiens*, а другие обезьяны отказались от повязки, и потому так и остались обезьянами. Так и те люди, что отвергают оранжевый галстук, не готовы переступить порог новой эры и составить компанию тем, кто уже совершил революционный скачок в эволюции. В финале речи Артемон Карлович возвестил, что на смену человеку разумному пришло более совершенное существо – человек оранжевогалстучный, а всех тех, кто предпочитает застрять на предыдущей ступени эволюции, следует насильно втащить в новую эру.

И что тогда началось! Оранжевогалстучники стали отлавливать всех несогласных, тащить их в торговый центр, который назывался теперь «Штаб принудительной эволюции», и там заставляли купить оранжевый галстук. Большинство, состоящее как раз из тех, кому было лень идти в магазин, с радостью приняли такую инициативу и вскоре не без гордости пополнили ряды оранжевогалстучников. Они были вдвойне довольны: и к новому витку цивилизации приобщились, и не пришлось самим идти.

С другими было сложнее. Эстеты и сторонники здорового образа жизни отчаянно сопротивлялись. Сначала они долго прятались по подвалам, городским катакомбам, трущобам. Если же их всё-таки отлавливали и доставляли в торговый центр, те брыкались и вырывались, когда им на шею повязывали галстук, так что многие от этого задыхались.

Это натолкнуло Артемона Карловича на новую идею. Новому человеку следует экономить время на всякие оранжевогалстучные дела, а не на наставление неразумных на путь истинный. Потому всех несогласных лучше сразу душиť. Но потом от этой идеи отказались.

Кроме как душить неразумных у оранжевогалстучников никаких других оранжевогалстучных дел как таковых не было, а если всех сразу передушить, то делать станет и вовсе нечего, и тогда станет очень скучно. Потому они продолжали пропаганду, в надежде, что «неразумные» всё-таки вступят в их ряды. Но новообращённых принимали уже не так, как раньше. Когда они торжественно, под барабанную дробь, повязывали ему галстук, то невзначай могли и задушить. А то не интересно.

И, надо сказать, ряды оранжевогалстучников всё равно пополнялись добровольцами. К ним шли те горожане, которые решили на всякий случай всё-таки купить себе оранжевый галстук, чтоб чего не вышло. Ещё были такие горожане, чьим жёнам очень нравился оранжевый цвет, и им хотелось, чтобы их мужья непременно носили галстуки такого цвета. Были и очень одинокие горожане. Оранжевые галстуки позволяли им претендовать на женское внимание, и без труда знакомиться на улице. Были и такие горожане, которые раньше были даже не оранжевые, а какие-то серые. Теперь они смогли стать огненно-оранжевыми, и не такими, как им казалось, невзрачными.

Некоторые согласные уехали из города, другие забаррикадировались дома и не высывались на улицу, рассчитывая переждать, пока оранжевое безумие закончится. Им казалось, что всё это долго продолжаться не может. Скоро это всем надоест, и всё забудется, как дурной сон. А когда наш город решили переименовать в Оранжтайбург, что в переводе Город Оранжевых Галстуков, тут чаша терпения переполнилась даже у них. Все поняли, что любой оптимистичный прогноз – это мягко выражаясь неправильный прогноз. Но покинуть город им было уже невозможно, так что осталось лишь выйти и купить себе оранжевый галстук.

И никто не знает, сколько бы всё это продолжалось, если бы не одна история. Однажды несколько видных оранжевогалстучников были обнаружены у себя дома или в кабинетах задушенными. Все смерти объединял странный и необъяснимый факт: тела находили в запертых изнутри комнатах. То есть, они сами запирали комнаты, а потом их душили. Провели расследование, и обнаружили, что на местах преступлений нет следов других лиц. Это было жутко, таинственно, и кровь стыла в жилах рядовых оранжевогалстучников. Артемон Карлович нервничал, тряс следователей за галстуки, чуть их самих не удушив, и требовал скорейшего расследования. Но полиция была в тупике.

Артемон Карлович вышел на трибуну на площади перед Штабом Принудительной Эволюции и выступил с гневной речью. Мол, противники оранжевых галстуков стремятся дискредитировать нового человека. Это самая гнусная провокация в истории, и только трус и отсталый homo sapiens способен спасовать, отступить или свернуть с пути к реализации новой оранжевогалстучной утопии. Но не успел Артемон Карлович договорить, как издал сдавленный хрип и свалился с трибуны. Подоспевшие полицейские зафиксировали, что он задушен и оцепили место преступления.

Лишь через некоторое время появились свидетельские показания, способные пролить свет на то, кто мог совершить это коварное убийство. Некий истинный оранжевогалстучник с незапятнанной репутацией и в связях порочащих себя не замеченный, примчался однажды утром в отделение полиции и заикаясь рассказал, как ночью он проснулся от странных ощущений в области шеи. Как настоящий и идейный оранжевогалстучник, этот господин даже спал в галстук, и потому сначала не особо не удивился. Но это было не приятное, чуть прохладное ощущение прикосновения гладкого шёлка к коже. Это было уже так, как будто бы что-то сильное, упругое и мускулистое, обвивается вокруг шеи и сдавливает её. Господин стал истекать холодным потом, лёжа неподвижно. И вдруг увидел свой галстук, который, будто змея, полз по шее к лицу и очень нагло скалился.

Он закричал и помчался в полицию. На бегу галстук сдуло ветром. В полиции ему не поверили, доставили в Штаб Принудительной Эволюции, снова продали ему галстук. Но показания всё-таки протоколировали. Через какое-то время этого господина, вместе с некото-

рыми другими господами, всё-таки нашли задушенными, и после этого решили прекратить расследование. Меньше знаешь, лучше спишь.

Но теперь и оранжевые галстуки стремительно теряли свою популярность. Первой, как водится, их сняла молодёжь. Им казалось, что это очень дерзко, снять такой галстук. Тем самым они доказывали всем, какие они непокорные, лишённые предрассудков, непосредственные, смелые, как они отличаются от толпы «отжившего свой век старичья», и им чихать, что их папаши думают про оранжевые галстуки. Те, разумеется, стали им запрещать снимать оранжевые галстуки, тем самым ещё более раззадоривая молодняк. Вскоре стало уже так: если в классе есть чудак, который носит оранжевый галстук, то ему ни один товарищ списать не даст. Парни и руки не подадут, и ни одна девушка с ним гулять не пойдёт. Так что у такого чудака есть выбор – либо снимай с себя галстук, либо сиди в сторонке и играй в крестики-нолики сам с собой.

Артемона Карловича больше не было, и некому было многозначительно улыбаться, будто бы зная что-то такое, чего никто больше не знает, и говорить: мол, темнота! Это же последний писк!

Потом вернулись солидные люди, бежавшие раньше из города, эстеты, поборники здорового образа жизни и все прочие диссиденты. Городу вернули прежнее название. Так теперь и живём. И всё бы ничего, если бы...

Всё началось с того, что в наш город неизвестно откуда завезли партию фиолетовых перчаток...

Через 48 часов

В понедельник рано утром все узнали, что Ник, младший бухгалтер по прозвищу Заика, совершит убийство.

Несмотря на ранний час и традиционно тяжёлые головы, репортёры криминальной хроники тотчас же рванули к новоявленному герою, чтобы взять у него эксклюзивное интервью и убедиться в достоверности этой информации. Заикау они застали только что появившимся на рабочем месте. Его поведение было вполне обыкновенным. Он был как раз таким, каким его привыкли видеть окружающие и каким описывали его в разговорах в обеденный перерыв или в баре за кружкой пива, то есть погружённым в себя, с ничего не выражающим, пустым выражением лица.

– Неужели ты и вправду совершишь убийство? – вопрошали репортёры, перебивая друг друга и тыча микрофоны бухгалтеру в нос.

– С-совершенно в-верно, с-совершу, – невозмутимо отвечивал Заика. – Р-ровно ч-через с-сорок в-восемь ч-часов.

Все разом глянули на свои наручные часы, которые тикали теперь как-то по особенному зловеще.

– И кого же ты намерен убить?

– Л-любого, кто встретится мне на п-пути.

Не успел он договорить, как репортёры, точно стая испуганных попугаев, разлетелась по своим редакциям, и через пару часов на всех передовицах и сайтах красовались заголовки: «Сенсация! Через 48 часов (сказать по правде, уже 46) Ник Заика убьёт всякого, кто не успеет хорошо спрятаться!»

Разумеется, народ не сразу в это поверил.

– Да ну! Ник Заика? – сипло гаркнул Верзила Дэн, работающий охранником в деловом центре. – Кишка у него тонка!

– Он и оружия не удержит, – согласился Ловкач Алекс, бармен, наполняя Верзиле четвёртую кружку. – У него всё из рук валится.

– Он же очкарик, прицелиться толком не сможет. Он и в писуар небось не попадает.

– Ха-ха-ха!

Но вскоре все убедились, что оптимизм весёлой компании притянут за уши. Вышедшие на обеденный перерыв сотрудники делового центра с изумлением обнаружили огромный рекламный плакат, внезапно появившийся на соседнем небоскрёбе. Но самое удивительное было не это, а то, что на нём был изображён Ник Заика с пулемётом в руках. Поясняющая надпись гласила: «Через 44 часа я превращу в решето всякого, кто посмеет оказаться на моём пути.» Правда, никакие пояснения не требовались полным решимости глазам будущего убийцы, с презрением нацелившимся прямо в души уставившихся на плакат будущих жертв.

Тем не менее, лишь немногие отнеслись к этому серьёзно, да и то только лишь после того, как вместе со всеми вернулись из ближайшей закуской, подкрепившись булками с колбасой и майонезом. Особо впечатлительные съели по две булки.

– Может, пойти к нему, поговорить, – неуверенно предложил своим коллегам Эдик, специалист по логистике с трёхлетним стажем.

– Да ну его, – отмахнулся Весельчак Макс, старший менеджер. – Что ты хочешь от него услышать?

– Он с нами на одном этаже работает, так что мы ему первые под руку попадёмся, – настаивал Эдик. – Даже если весь день в офисе прятаться, вдруг шеф погонит куда-нибудь? А если бумага для принтера закончится? Нет, коллеги, я бы подстраховался.

– Вот и подстрахуйся, паникёр, – фыркнула Анжела, секретарша шефа.

– А вдруг он шефа подстрелит? Риск того стоит, – заверил Ник.

– Сплюнь! – гневно воскликнула секретарша, уронив щёточку с тушью для ресниц.

Махнув на коллег рукой, Эдик отправился в соседний офис, где как ни в чём не бывало трудился виновник его беспокойства.

– Здорово, Ник, – собрав волю в кулак, приветствовал его парень, из последних сил стараясь придать голосу дружеские интонации и надеясь, что собеседник не заметит, что у него дрожат коленки.

– З-здоровее в-видали, – пробурчал младший бухгалтер.

– Слушай, тут все болтают про тебя всякую ерунду. Я же знаю, ты класный парень...

– Н-не с-старайся. Это п-правда.

– Да ты что! А зачем?

– А п-просто т-так.

Почесав затылок, молодой логист понял, что дело плохо.

– Что, и меня убьёшь?

– И т-тебя, если увижу ч-через с-сорок д-два ч-часа.

– Слушай, Ник, ты извини, если я над тобой подтрунивал. Просто это и в самом деле забавно, а ты бы просто к логопеду сходил, он бы тебе дикцию и поправил.

– А з-зачем? М-может б-быть, это у в-вас в-всех д-дикция н-неправильная? П-просто в-вас б-больше, а я не к-как в-вы. Д-да и эт-то т-тут не при ч-чём.

– А что же тогда?

– А з-зачем в-вы в-вообще ж-живёте? Работаете, чтобы набить брюхо, набиваете брюхо, чтобы работать. – В состоянии нервного возбуждения дикция Ника была такой же, как у всех окружающих. – Ваши разговоры бессмысленны, как и вся ваша жизнь. А над всяким, кто на вас не похож, вы насмехаетесь. Паршиво это.

– А ты всё о духовном думаешь?

– Я д-думаю, вы все на т-тот свет х-хотите, да с-сами себе в этом п-признаться не можете.

– Ладно, Ник. – Эдик почувствовал, как пот струится по его лбу, заливая глаза и закатываясь за натирающий его шею воротник, стянутый галстуком. Спорить на философские темы с начинающим убийцей он не хотел. – Если вдруг передумаешь на счёт меня, обращайся. Я тебе в тюрьму передачи носить буду. Покушать там, носочки тёплые шерстяные, которые бабушка моя вяжет.

И, пятясь, выскочил из каморки младшего бухгалтера.

Вернувшись в родной офис, он увидел, как коллеги, обступив монитор компьютера Весёлого Макса, во все глаза на что-то таращатся.

– Что там?

– Заика рекламу снял. Для телека.

Глянув на экран, Эдик обомлел. Младший бухгалтер, с которым он разговаривал всего пару минут назад, сидел перед камерой и смотрел на зрителей, как питон на кроликов. В одной руке он держал пулемёт, знакомый всем по плакату на небоскрёбе, а в другой гранатомёт с оптическим прицелом. И никого не удивляло то, что такой хилый парень без усилий выдерживает такой вес, а удивляло то, что он говорил, при чём без всяких запинок:

– Через сорок два часа настанет момент, которого я ждал долгие годы. Я готовился к нему почти всю сознательную жизнь, и будьте уверены, что я не промажу. Каждый выстрел и каждый удар достигнет своей цели! Я готов убивать безмозглых эгоистичных червей – то есть вас, ошибок природы, запрограммированных только жрать, размножаться и развлекаться, тупорылых бесчувственных скотов!

– Не, ну вы это видели! – всплеснул руками Эдик.

– Да успокойся ты! – хлопнул его по плечу Макс. Правда, залихватский жест получился у Весельчака каким-то смазанным. Наверно потому, что у него слегка тряслись руки.

Не удивительно, что после работы Эдик решил зайти в бар, чтобы пропустить стаканчик-другой для снятия стресса, хоть раньше молодой менеджер стремился этим делом не злоупотреблять. Парень примостился у стойки, к которой уже будто бы приклеились Верзила Дэн, Алекс и репортёр Филипп – один из тех, кто первым пробился к Заике.

– А ведь Заика оказался мужиком, – солидно покачав головой признал Верзила. – Я-то думал, что он доходяга малохольный, а он вон как лихо со стволами обращается.

В соседнем ресторанчике за столиком у окна сидели секретарша Анжела и её подруга Жанна, оператор колл-центра.

– Познакомь меня с ним, – просила Жанна. – Я думала, что он так себе, неудачник какой-то. А он, оказывается, симпатичный. Я его как увидела по телеку – он такой мужественный, такой уверенный в себе, такой brutальный.

– Ага, brutальный. А что, если он моего пристрелит? Что я тогда делать буду? Нового искать – так сколько девок моложе меня.

– Да ты-то никогда не пропадёшь. А я вот...

– У тебя ж есть бойфренд.

– Уже нету. А может, ты сама с ним замутить хочешь? А ещё подруга называется!

Дружескую беседу прервал голос, прокатившийся по улицам Мегалополиса, будто бы гром. Холодный, бесчувственный, металлический голос вещал: «Всего через 36 часов начнётся генеральная уборка планеты Земля от копошащегося мусора – от вас! Готовьтесь! Осталось всего лишь 36 часов!»

Не успел голос умолкнуть, как грянули аплодисменты. Радостные голоса разных тембров и высот повторяли на все лады: «Тридцать шесть! Тридцать шесть часов!»

– Что это такое? – спросил Эдик.

Неожиданно в бар ввалилась пёстрая толпа, с шумом рассредоточилась по залу и расслалась за столики, как галки на проводах. В руках у наиболее шумных и активных были плакаты и транспаранты: «Ник – наш герой!», «Маленький человек с большим гранатомётом!», «Хочу быть таким, как Ник!»

– Бармен, пива ошибкам природы! – под общий смех крикнул оборванный паренёк лет семнадцати с непослушной шевелюрой и многодневной щетиной.

Ловкач тотчас же принялся за дело, а Филипп устремился к пареньку с диктофоном.

– Пару вопросов для прессы. Какую организацию вы представляете?

– Мы – клуб фанатов Ника Заики! – деланным басом заявил паренёк. – Этот выдающийся человек вслух сказал то, что все мы думаем.

– Значит, вы согласны с тем, что люди – мусор?

– Мы смотрим правде жизни в глаза. Кто-то предпочитает пребывать в иллюзиях, что все жалкие безмозглые черви, кроме них самих. Вот таких и надо истреблять.

– Давить! Уничтожать! – поддержали остальные.

– И вы тоже будете убивать? – продолжал интервью Филипп.

– Мы – нет.

– Зачем, когда Заика сам всё сделает?

– Нужно просто ему не мешать.

– Мы – группа поддержки, – с достоинством произнёс небритый парень.

– Н-не п-понимаю, – бормотал Эдик, принявший уже несколько стаканов виски, так что язык у него ворочался с трудом. – Если З-заика всё это в-время т-трениров-вался т-таскать ж-железки и м-может н-не з-заикаться, – тут он громко икнул, – ч-чего же он т-тогда н-не стал усп-пешным, н-не к-купил м-машину в к-кредит и не з-завёл п-подружку? Т-тогда бы ему и уб-бывать н-не п-пришлось...

- Человеческая душа – потёмки, – заметил Ловкач с видом профессора.
- М-может, он и п-прав...
- Осталось тридцать пять часов! – ликовали фанаты. – Ура!

Но, как водится, полного единодушия в поддержке намерений Заики не наблюдалось. Благодаря телевидению о готовящемся мероприятии узнала не только молодёжь, но и более возрастная аудитория, в числе которой оказалась бабушка Эдика – весьма энергичная и сообразительная пожилая дама. Она сразу поняла, какой опасности подвергается её любимый и единственный внук, и потому почти сразу же отправилась в полицию.

Утром она уже была в кабинете своего старого знакомого – инспектора Банкина. Это был опытный оперативник старой закалки, седовласый и седоусый, отказывающийся выходить на пенсию по причине того, что, по его авторитетному мнению, в его лице полиция Мегаполиса потеряла бы самого способного сотрудника, да и молодое поколение некому будет учить умуразуму. В это утро инспектор заканчивал ночное дежурство и потому героически боролся со сном.

- Случилась беда, инспектор! Через двадцать четыре часа произойдёт убийство! Умудрённый опытом полицейский вскинул брови.

– Кого убьют?

– Не знаю. Возможно, моего внука.

– Гражданка, в этой жизни всё возможно. Но мне нужны железные факты.

– Инспектор, вы что, телевизор не смотрели? Этот, как его... он же сам сказал...

– Но он же не сказал, что убьёт вашего внука. Вот если бы он ему угрожал, я задержал бы его на пятнадцать суток и заставил бы подметать пол в кабинете... да, грязновато у меня, это точно.

– Но он угрожал общественному порядку.

– Порядок, конечно, превыше всего, гражданочка. Но посудите сами – мало ли в Мегаполисе придурков? Сегодня он хочет всех поубивать, завтра – перехочет. А для того, чтобы арестовать его, я должен отправить на место группу захвата – бойцов в масках и с автоматами. А представьте, если к каждому такому идиоту отправлять отряд? Кто тогда будет блюсти порядок и защищать ваш спокойный сон...

Это сладкое слово оказалось последней каплей, и убелённая сединами голова опустилась на стол, после чего по кабинету разнёсся оглушительный храп.

– Ничего не поделаешь, закон суров, но справедлив, – смиренно произнесла бабушка Эдика и отправилась туда, где ей точно помогут.

Стоило ей спуститься в метро, как диктор, объявляющий станции, острым, безапелляционным голосом произнёс, будто бы читал приговор: «Жалкие людишки, осталось всего двадцать часов до наступления кульминации!»

– Чур меня, чур меня, – приговаривала бабушка, пока не доехала до нужной ей станции. Именно здесь находился главный офис Общества борьбы за общее благо и общественную мораль.

Председатель общества Глафира Амвросьевна Благоволенская приняла её сразу, так как они были знакомы по кружку любительниц вышивания крестиком. Правда, в кабинете находился ещё и друг молодости Глафиры Амвросьевны Демьян Прокофьевич Домостроев, владелец сети магазинов, или, как он сам себя называл, купец. Но Демьян Прокофьевич был туг на ухо и доверительной беседе двух дам практически не мешал.

– Представьте себе, уважаемая Глафира Амвросьевна, так вот и сказал: жалкие, мол, людишки, мол, мусор вы, и место вам на помойке.

– Ах, дорогая Ксения Поликарповна, какое чудовищное неуважение к старшим! – покачала головой Благоволенская.

– А ещё он говорил, что возьмёт большую стрелялку, как её там... и всякого отправит на тот свет, кто ему попадётся.

– Ах, всякого честного человека! Да как же ему не стыдно?

– Да, именно. Вот что я вам скажу, мы должны положить конец этому беспределу.

– Всё это происки жидомасонов, – гаркнул Демьян Прокофьевич, до того с отрешённым видом гладивший бороду.

– Понимаете, Ксения Поликарповна, – Глафира Амвросьевна приготовилась к долгой, преисполненной высоко моральной мудрости речи тоном классной дамы института благородных девиц, которому она училась всю свою молодость по повести «Бедная Лиза». – Суть данного прискорбного инцидента в том, что убивец намерен губить тела, а не души невинных жертв. В то время как миссия нашего общества состоит как раз в наставлении молодых заблудших душ на путь истинный и воспитанию в них благонравия и благородства.

– И что? – не выдержала её собеседница.

– Вот я как раз о том и глаголю, что есть у нас дела поважнее. Например, девицы нынешние совершенно от рук отбились. Одни кавалеры да наряды у них на уме, а наряды-то – срам сплошной! Не то, что в наше время. От взгляда на пальчик девичий кавалеры краснели в смущении, а уж на плечико – так и вовсе в обморок падали. А теперича что? На коленки изволят во все зенки тарашиться, а то и на такое, об чём и говорить приличному человеку совестно.

– Развратили молодёжь, супостаты проклятые! – подал голос купец. – Шпионы всё заокеанские, навязали нам свои смыслы и ценности! На духовность нашу покушаются.

– Правильно, Демьян Прокофьевич. Дело верное глаголете. Юные отроки совсем старших не уважают – вот в чём погибель наша.

– К концу всё идёт, – махнул рукой бородач. – А ваш нелюдь застрелит кого-нибудь, так что это супротив всего народа? Капля в море. Нацию спасать надо-ть, духовность нашу. Мы об том с Глафирией и толкуем сейчас, так сказать, вырабатываем стратегию отпору масонской орде. Так что иди с миром, и не забудь главную нашу задачу.

Вышла бабушка из штаба Общества почти что в отчаянии. Глянула по привычке на небо и обомлела – над Мегалополисом завис гигантский летающий объект, по форме напоминающий дирижабль, на котором красовалось торжествующее и беспощадное лицо Заики. В довесок к уже знакомым всем пулемёту и гранатомёту в зубах он зажал кинжал – такой острый и блестящий, что лицо злодея отражалось в нём как в зеркале. Текст, составленный гигантскими буквами, гласил: «Я жду! Несчастные шестнадцать часов!»

Внезапно бабушку озарила идея – не зря ведь она слыла особой весьма и весьма находчивой. По счастью, психиатрическая больница была здесь неподалёку, и туда-то она и бросилась со всех ног. Доктор Тыркельгаузен – немногословный, деликатный мужчина лет пятидесяти с орлиным носом и седой бородкой клинышком, усадил посетительницу на кушетку и стал внимательно слушать.

– Доктор, нельзя ли изолировать его, душегубца такого? Он же неумняемый. Да и к тому же ещё и буйный. По нему же смиренная рубашка плачет!

– Боюсь, медицина в данном случае бессильна, – флегматично ответил психиатр. – Ни в одном справочнике, ни в одной классификации болезней вы не найдёте, что намерение убить есть психическое отклонение. Более того, что есть само по себе отклонение? Что есть психическая норма? Это вопросы очень философские. И наука пришла к выводу, что поиск ответов на эти вопросы и ведёт к умопомешательству.

– Но он ведь угрожает нам всем и не чувствует никаких угрызений совести!

– Скорее всего, дело не в нём, а в вас. Ваш страх мешает вам жить, создаёт беспокойство и нервозность. Это может очень плохо для вас закончиться. Вы должны побороть свой страх. Я пропишу вам парочку укольчиков, и всё пройдёт.

Через час бабушка вернулась домой. На каждом перекрёстке из динамиков уличного радио доносился устрашающий голос: «Шоу начнётся через четырнадцать часов!» Но бабушку Эдика это нисколько не волновало.

Тем временем фанаты из группы поддержки установили на площади перед деловым центром огромные электронные часы и запустили обратный отчёт. Последний вечер перед кровавой бойней праздновался как преддверие Нового года. Наиболее преданные фанаты желали оказаться поближе к эпицентру событий когда всё начнётся, и потому заранее резервировали за собой места. Небритый паренёк следил за тем, чтобы особо ушлые не спекулировали билетами – приоритет отдавался самым идейным последователям Заики.

Правда, не обошлось и без эксцессов. Ровно за двенадцать часов до старта мероприятия фанаты заметили, как к площади стягиваются колонны агрессивных настроенных личностей. В их руках были факелы и даже железные прутья на манер пик. Довольно быстро стало понятно, что противников деятельности Заики набралось всё-таки на целую армию. Возглавляли восстание пара оппозиционных депутатов, видимо, не желающих упустить возможность набрать очки перед избирателями, кучка маргинальных журналистов и один писатель-фантаст. Передние ряды были вооружены крышками мусорных баков, которые можно было использовать в качестве щитов. Так что намерения у них были самыми что ни есть серьёзными.

К очагу напряжённости стянулась и полиция под руководством инспектора Банкаина. Отряды бойцов в масках и с автоматами выстроились в ряд, оцепив вход в деловой центр.

– Не вмешиваться, пока не начнётся потасовка, – приказал седовласый служитель правопорядка.

Бойцы, видимо, не горели желанием принимать какую-либо из сторон, и заняли выжидающую позицию. В крайнем же случае всегда можно примкнуть к победителю.

Начало потасовки почему-то откладывалось. Видимо, каждая сторона хотела выяснить мотивацию противника и попытаться его переубедить. С этой целью соорудили нечто вроде трибун, на которых подняли наиболее способных ораторов. Точку зрения фанатов выражал небритый парень, восставших же представлял писатель:

– До какой же степени деградации опустились вы, дети нашей высоко развитой цивилизации, в век самых высоких технологий и величайших научных прорывов! Во времена, когда человеческий разум, как луч прожектора, высвечивает самые потаённые уголки мироздания, оставляя всё меньше белых пятен, постигая глубины и разрешая казавшиеся неразрешимыми загадки, вы ведёте себя как тёмные средневековые болваны! Вы, обладатели компьютеров, подключённые к глобальной сети, дарящей вам возможность знать всё обо всём, с жестокостью питекантропов готовы попустительствовать самому настоящему варварству! В век вегетарианства вы равнодушны к убийству, подчиняясь инстинктам охотника радуетесь виду пролившейся крови. Одумайтесь, друзья! Не допустим кровопролития!

– Хватит морочить нам голову своей лживой разумностью! – кричал во всё горло оборванец, которого все уже прозвали Лохматым. – Да, мы питекантропы! Да, обезьяны. Но зато мы честны перед собой и природой, сотворившей нас хищниками. Наклепав хитромудрых штукоев вы решили, что природа теперь отменена, ан нет, чёрта с два! От вашей науки нам стало только хуже: нам, двуногим животным, с детства вдалбливают всякие ханжи: вы, дескать, цивилизованные. То не делай, это вредно, а вон то стыдно. А мы за естественность! Вот пусть Ник и стреляет в таких, как вы. Нам только лучше будет.

Поняв, что главный аргумент, каким бы цивилизованным ни было общество, по-прежнему пока ещё кулак, обе стороны сомкнули ряды и пошли на опасное сближение. Полицейские напряглись, почувствовав, что момент истины не за горами, но тут, за одиннадцать часов до анонсированного события, в ход вмешалась третья сила.

Подняв голову, Лохматый обнаружил, что на площадь надвигается ещё одна колонна, в разы менее численная, чем «цивилизаторы», но в случае борьбы на стороне противника,

гарантирующая необходимый для разгрома фанатов и ареста Заики перевес. Прикусив губу, Лохматый решил было, что дело лопнуло, но всё пошло не так.

Колонну возглавляла одутловатая блондинка средних лет, чьи растрёпанные кудри воскрешали в памяти образ Горгоны, а весь её облик – Свободы, какой французы изображали её на картинах времён взятия Бастилии. Преданные соратники возвели её на самодельную трибуну, и блондинка, взметнув кулак над головой, начала речь высоким, звонким голосом, достойным оперной певицы:

– Мы, защитники прав и свобод, протестуем против грубейшего нарушения гарантированных конституцией, конвенцией ООН по правам человека, международным кодексом общечеловеческих ценностей и всемирными правилами хорошего тона свободы выбора, свободы слова и свободы совести! Гражданин Ник имеет полное право иметь собственное мнение на природу человека, и более того, имеет полное право высказывать это мнение, которое вы, граждане, не имеете никакого права его лишать. Он в праве говорить что хочет, когда хочет, где хочет и кому хочет. Не нравится – не слушайте! Вы не вправе навязывать ему свою точку зрения и заставить его действовать так, как хочется вам. Пока Ник не совершил никакого преступления, а вот когда совершит, тогда и будете разбираться. Только он сам несёт ответственность за свой выбор и за свои поступки, и никто из вас не может отвечать за его выбор и принуждать его к чему-либо. Если вы не признаёте этого, если вы считаете себя в праве решать за него, что для него хорошо, а что плохо, как ему жить и чем дышать – то питекантропы вы! Вы – диктаторы! Тоталитаристы! Фашисты! Вам должно быть стыдно, а не ему. Так стыдитесь же!

Лидеры диктаторов хотели бы возразить, как со всех концов площади грянуло: «Стыдитесь, тотализаторы!» Многие из тех, кто пришёл сюда в рядах противников Заики, переметнулись в стан правозащитников и присоединились к общему хору. Вскоре голоса антизаикинцев и вовсе потонули в гуле всеобщего негодования, свисте и улюлюканье: «Позор фашистам! Позор!» Депутаты и писатели, обнаружив, что до выхода Ника с автоматами в обеих руках, остаётся всего лишь четыре часа, решили убраться по добру по здорову. За ними последовали и большинство их единомышленников – у них не было ни единой возможности воспрепятствовать действиям убийцы, так как они были в явном меньшинстве.

Полиция включилась в ход митинга лишь тогда, когда за два часа до начала на площади показались будущие жертвы. Построившись в две шеренги, бойцы обеспечили для них коридор, чтобы Эдик, Макс, Анжела и охранник Верзила смогли пробраться сквозь толпу к своим рабочим местам. А вскоре на площади появился и сам Ник Заика.

Поднявшись на крыльцо небоскрёба, он оглядел обезумевшую от его вида толпу полным безразличия взглядом и решительно шагнул к лифтам.

– Ник, женись на мне! – кричала Жанна из колл-центра. – Я дождусь тебя, милый, если тебя арестуют!

Её голос тонул в потоке аналогичных по содержанию заявлений.

– Какая харизма! – восхищённо произнесла блондинка-правозащитница. – Редкий экземпляр.

– То ли ещё будет! – поддакнул Лохматый.

А тем временем Эдик, Макс и Анжела сгрудились вокруг стола весельчака. Побледневший охранник сидел возле двери, комкая в потных ладошках носовой платок.

– Не бойсь, – жидким голосом заверил Верзила. – Зря кипиш подняли, не будет он стрелять.

– Анекдот хотите? – из последних сил выдавил Весельчак. – Только вчера мужики в раздевалке бассейна рассказали. Возвращается, значит, муж из командировки...

– Пошёл к чёрту, – процедила секретарша.

Инспектор Банкин взглянул на часы. До события оставалось две минуты.

– Может, пора? – хрипло спросил старшина группы захвата.

– Остынь, молодой, – огрызнулся умудрённый сединами ветеран. – Куда вперёд батьки в пекло?

Эдик услышал, как лифт останавливается на их этаже, и двери медленно, с напряжённым скрежетом разъезжаются, выпуская пассажира наружу. Он услышал гулкие, чеканящие шаги и щелчок заряжаемого пулемёта. Но Эдика это нисколько не беспокоило. Вчера вечером бабушка дала ему таблетку от доктора Тыркельгаузена.

– Ну теперь пора? – взволнованно спросил старшина.

Инспектор лениво наблюдал, как на огромном экране появляется цифра ноль.

Площадь замерла, и в гробовой тишине раздалась очередь из четырёх выстрелов.

– Вот теперь пора, – произнёс инспектор, освободив из кобуры табельное.

Гонка

Пассажиров на конечной станции было, как обычно, немного. Состав ТС-7995 – девять новых, блестящих вагонов, только что с завода – готовился к отправлению, и пассажиры спешили занять наиболее выгодные для себя места. Кто-то бежал по платформе, а кто-то переходил из вагона в вагон, боясь, что поезд отъедет без них.

Когда над дверьми замигали красные лампочки, предупреждающие о скором отправлении, на другой путь прибыл состав СТ-5997. На вид он ничем не отличался от своего собрата – корпуса вагонов из такого же полированного до блеска алюминия, обтекаемые формы локомотивов для развития максимальной скорости, двери из лёгких, но прочных композитных материалов. Открыв двери, поезд выпустил своих немногочисленных пассажиров, тонкими струйками потянувшихся к выходу в город, сливаясь в единый поток возле эскалатора. Машинист тоже вышел из своей кабины и встретился взглядом с помощником машиниста состава ТС-7995, следившим за тем, чтобы никого из пассажиров не защемило дверьми.

Красные лампочки продолжали мигать, но двери почему-то не закрывались. Машинисты пристально смотрели друг другу в глаза: опытный, водивший сотни локомотивов СТ-5997 – молодому, совсем недавно вышедшему из учебки ТС-7995. Наконец машинист ТС-7995 – проработавший не менее своего коллеги из СТ-5997 – нажал кнопку и створки дверей плавно отправились навстречу друг другу.

Неожиданно капитан СТ-5997 бросился бежать вдоль всего состава, направляясь к кабине в его хвосте. Его помощник, не задавая вопросов, побежал вслед за ним.

Это не ускользнуло от внимания пассажиров. Несмотря на то, что все знали – на поезда в эту сторону посадки нет, все составы следуют в депо – многие прямо с эскалаторов направлялись к вагонам СТ-5997. Даже те, кто только что вышел из поезда, почему-то возвращались обратно. Правда, многие из наполнявших платформу людей спешили успеть в ТС-7995 – тогда его закрывающиеся двери останавливались, чтобы пропустить нетерпеливого пассажира, затем снова начинали движение.

Вот машинисты достигли хвоста СТ-5997 и запрыгнули в кабину. Схватив штурвал, капитан тотчас же нажал кнопку и двери сомкнулись. При этом между створками оказалась сумка кого-то из замешкавшихся пассажиров, но никто не обратил на это никакого внимания.

Медлить было уже нельзя – ТС-7995 уже тронулся в путь. С опозданием в несколько секунд СТ-5997 двинулся в том же направлении.

Среди пассажиров первого вагона СТ-5997 оказался средних лет мужчина в сером костюме при галстуке. Стоило поезду въехать в тоннель, как он вскочил с места и обратился к своим соседям:

– Сограждане! Братья мои, волей судьбы оказавшиеся в этом великом составе! Я взываю к вашим лучшим чувствам. Уверяю вас, что вскоре мы догоним и перегоним поезд ТС-7995 и все прочие поезда мира! Мудрые машинисты везут нас в светлое будущее!

Грохот колёс заглушал речь оратора, но аудитория всё равно внимала ему с замиранием сердца. Как только мужчина в костюме умолк и в изнеможении опустился на своё место, грянул гром аплодисментов. Пылкому оратору рукоплескали даже пассажиры второго вагона, которые не могли слышать его слов, зато оценили одухотворённый лик, с которым он выступал перед народом.

Тем временем в первом вагоне ТС-7995 с воззванием к пассажирам обратился средних лет мужчина в синем костюме при галстуке.

– Товарищи! Не мы начали эту гонку. Мы едем своим путём, но наш соперник – состав СТ-5997 – решил нарушить все правила и установить свою гегемонию над всеми поездами

метрополитена Мегалополиса. Более того, эти вероломные посягнули оспорить наше лидерство. Лидерство, как я считаю, очевидное. Мы не позволим им догнать нас и достойно ответим нашим противникам! Победа будет за нами!

На этой высокой ноте голос спикера сорвался – всё это время он, преисполненным праведного гнева, надрывался, чтобы докричаться до каждого своего слушателя. И его усилия оценили по достоинству – аплодировали не только первые, но и последние вагоны состава ТС-7995.

– Нас не догонишь! – возбуждённо скандировала толпа.

– Ишь чего захотели, окаянные! – причитала старушка с тележкой.

Тем временем оба состава приблизились к следующей станции, платформа которой была до отказа забита заждавшимися пассажирами. ТС-7995 со скрежетом затормозил, и армия поезда тотчас же стала пополняться свежими силами – для экономии драгоценного времени, двери были раскрыты ещё в туннеле.

– Побыстрее производим посадку! – приказал машинист.

– Враг не дремлет, враг не ждёт! Набираем оборот! – зарифмовал кто-то из молодых, творческих пассажиров.

В этот момент из тоннеля выскочил СТ-5997. Двери ТС-7995 тотчас же стали закрываться, не обращая внимания на многочисленные руки, ноги и головы, оказавшиеся прищемлёнными и зажатыми. Кто-то вскрикнул от боли, но нетерпеливый гул заглушил их стоны:

– Вперёд и только вперёд!

Люди на платформе в ужасе отпрянули от запыхтевшего поезда, и тогда с другой стороны платформы раздался возглас серого костюма, по пояс высунувшегося в окно:

– Все сюда! Вы нужны мне в армии СТ-5997!

Кто-то и до этого с радостью пополнял ряды его ополчения, но у многих не было выбора. Правда, поезд смог принять в своё чрево далеко не всех желающих: двери сомкнулись без всякого предупреждения. Кто не успел попасть внутрь, упал на платформу. Где-то послышался хруст сломанной конечности.

– Время не терять! Нужно догонять!

Среди пополнивших оба состава новобранцев оказались журналисты, которые с радостью занялись просвещением масс. Вскоре все пассажиры ТС-7995 читали текст, разосланный на их карманные компьютеры по беспроводной связи:

«Противостояние двух поездов – не просто рядовая гонка. Это противостояние есть противостояние духовное и мировоззренческое. Издревле наш состав отличала культура бескорыстия, благонравия и нестяжательства. В то время как поезд СТ-5997 испокон веков славился своей алчностью, тщеславием и вероломством. И в лице нашего состава солидарность противостоит эгоизму, братство – звериной вражде, благочестие – беспутству!»

В то же время в другом поезде читали следующее:

«Нам известна лживость идеологов ТС-7995: разглагольствуя о высокой культуре, традициях и прочих доблестях, они ханжески маскируют свою подлинную сущность – жалкую, мелочную и подлую. Но нас не обманешь подобным маскарадом! Только мы, пассажиры СТ-5997, обладаем врождённым чувством правды и справедливости. Мы не приемлем ложь, иллюзии и самообман, потому что мы умнее наших соперников. Они обречены – их погубит их же собственная тупость. Наша победа неизбежна!»

Вдохновлённые воззваниями журналистов, пассажиры обоих составов собрали всю имеющуюся у них бумагу и принялись мастерить плакаты и транспаранты с лозунгами, прославляющими свой поезд:

«ТС-7995 – за свободу и демократию!»

«СТ-5997 – за традиционные ценности!»

«ТС-7995 – за будущее наших детей!»

«СТ-5997 – с нами удобно!»

«ТС-7995 – выбирай лучшее!»

«СТ-5997 – бери от жизни всё!»

К следующей станции поезда подошли ноздря в ноздю. Ожидающие прибытия пассажиры, заметив плакаты, тотчас же бросались к понравившимся лозунгам. А те, кто уже находились внутри, высовывались из окон, корчили рожи противникам и выкрикивали оскорбления в их адрес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.